

Художник С. Дергачев

Зеленый Колдун

Ольга Рэйн

ФАНТАСТИКА

Мальчик Джонни был ясноглазым, темноволосым и очень смелым. Он не боялся ни вампиров, ни львов, ни мумий, ни призраков, ни того, что мама будет сердиться. Вампиров выдумали пугливые средневековые люди, Брем Стокер и девчонки, вздыхающие по «Сумеркам». Львы в Англии за пределами гербов и зоопарков не водились, да и вообще хищника крупнее лисицы было не найти. Мумий он видел в музее, и ему от них было не страшно, а грустно — казалось, что они были мертвы сильнее, чем это вообще возможно для человека, и так долго, что в голове не укладывалось. Призраки были вообще нестрашные: ну подумаешь, у людей тут дела остались недоделанные; если бы они к Джонни обратились, он бы им с радостью помог — весточку там передать или клад найти. Лучше бы клад, конечно.

А мама... ну что — мама. Мама на Джонни сердилась часто.

— Тебе уже двенадцать лет, Джонни, а ты не можешь плиту включить и яичницу себе пожарить, — говорила она, вздыхала и сама готовила ему завтрак.

— Ты уже в восьмом классе, Джонни, а все читаешь комиксы и математикой совсем не занимаешься, — ворчала мама, но дневник подписывала и денег давала и на комиксы, и на Макдоналдс.

— Ты уже такой большой, Джонни, а совсем мне не помогаешь... — грустно говорила мама, но Джонни пожимал плечами, включал на компьютере игру Майнкрафт и отворачивался к монитору; ему было неприятно, что мама обижается, но играть хотелось сильнее, чем пылесосить. Джонни оборонялся от зомби и скелетов, чуть морщась от гудения пылесоса за дверью и звона посуды на кухне.

Мама же все равно его любила, он знал, так зачем было напрягаться?

Однажды Джонни возвращался из школы, пиная опавшие мокрые листья вдоль дороги. Осень в этом году была поздняя, красивая, воздух пах дымом и мокрым асфальтом. Вдруг из кучи листьев от его пинка вылетела пустая бутылка от колы, завертелась на дороге, ударилась о бордюр.

Джонни поднял ее, чтобы бросить в урну — он не любил, когда мусорили, — и вдруг заметил под закрученной пробкой большое зеленое насекомое очень странной формы: то ли муха, то ли мотылек. Джонни прищурился, но разобрать было трудно — бутылка запотела. Он открутил пробку и встряхнул бутылку — еще не хватало обрекать насекомое на мучительную смерть, пусть летит. Пластик задрожал в его руке, муха вырвалась из горлышка с ревом реактивного двигателя и исчезла с громким хлопком. Джонни так отбросило на тротуар, что он с минуту сидел, потирая спину и недоуменно глядя на открытую бутылку в руке, на стаю ворон, поднимающуюся с окрестных крыш, и на мужика, упавшего с велосипеда в нескольких шагах от него.

— Что это было? — спросил велосипедист, поправляя шлем.

Джонни пожал плечами и наконец закрыл рот. Бутылку он донес до урны в вытянутой руке и опустил туда с величайшей осторожностью.

Вечером пришла мама, лицо у нее было бледное, она то и дело массировала виски.

— Голова очень болит, — сказала она. — Я таблетки выпила, пойду спать пораньше. Ты долго не сиди за игрой, ладно?

Джонни рассеянно кивнул — зомби атаковали его со всех сторон и утробно рычали. Мама чмокнула сына в макушку, вздохнула и ушла в свою комнату. Джонни пошел спать лишь после того, как основательно исследовал запутанную старую шахту — там нашлось много добра, полезного в майнкрафтовом хозяйстве, включая два алмаза.

Уснул он быстро и тут же оказался в большой пустой комнате.

У окна стоял высокий старик в черно-зеленом плаще и смотрел на ночное небо сквозь изгибы кованой решетки. Пахло яблоками и дождем. Было очень тихо.

— Ну вот и ты, мой спаситель. — Старик обернулся к Джонни. Глаза у него были темные, блестящие, очень цепкие, а вышивка плаща напоминала крылья какого-то насекомого... даже очень конкретного насекомого — того самого, из бутылки. Старик улыбнулся и кивнул.

— Вижу, ты меня узнал. Пять долгих дней я томился во вместилище страданий, обманом заточенный своим исконным врагом, колдуном ААА. Запасы воздуха подходили к концу. Не было ни воды, ни пищи, ничего, кроме нескольких капель какой-то сладкой бурды на дне фляги. Что это было, кстати? Запиши мне, пожалуйста, название — я прирастался. Ты спас меня, отважный юноша, и я рад объявить о начале твоих испытаний.

Джонни часто видел странные сны, а спорить совсем не любил, поэтому кивнул, взял со столика листок и карандаш и написал название напитка.

— Пейте охлажденным.

— Благодарю, — кивнул старик; он прищурился на пространство у стены, под его взглядом там сгустился большой холодильник с зеркальными дверцами и тихо заурчал мотором.

— Я вижу в твоих смысленых глазах множество вопросов, мой юный друг, — продолжил волшебник (после появления из ниоткуда холодильника вопросов о том, кто такой этот старик, у Джонни не осталось). — Так вот: темой наших испытаний станет страх. Именно этим чувством я был столь мучительно томим во время своего заточения. Три ночи подряд, Джонни, я буду посылать тебе все более страшные, ужасные и омерзительные сны. Чтобы прекратить любой из них, тебе стоит лишь позвать меня простым стишком... — Он на секунду задумался. — Вот:

*Зеленый Колдун,
Зеленый Колдун,
Я слишком боюсь,
Уже я сдаюсь.*

Джонни скептически нахмурился, но из вежливости промолчал.

— Да, — сокрушенно кивнул старик, — стихи у меня так себе. Но они сработают, поверь. Как только ты их скажешь, страшный сон тут же прервется, ты спокойно проспишь до утра и больше никогда обо мне не вспомнишь.

— А если я выдержу все три ночи? — спросил Джонни.

— Тогда я, Зеленый Колдун ЕЕЕ, исполню любое твоё желание, — торжественно пообещал старик. — Любое. Самое волшебное, самое невозможное. Можешь просить все, что хочешь.

— Пятьсот триллионов фунтов? — уточнил Джонни.

— Легко, — кивнул старик. — С возможным пересчетом в любую валюту. Сразу или частями.

— Живого динозавра?

— Ну-у... — Колдун помялся. — Геном в полном объеме так и не был восстановлен: информационные лакуны... Но да ладно. Какого-никакого сделаем!

— Собственную вселенную? — выдохнул Джонни. — Чтобы я в ней мог что угодно строить, создавать и всем управлять, как в Майнкрафте?

— Хе-хе-хе, — засмеялся волшебник, открыл холодильник и достал оттуда бутылку колы. — То есть ты, дружок, думаешь сам стать колдуном? Не просто удачливым добросердечным мальчиком, а Джонни-волшебником? Колдуном ИИИ?..

— Джонни, просыпайся, — тихо сказала мама и потрепала его по волосам.

Джонни сел в кровати, как и не спал (что за сон дурацкий!), щелкнул выключателем. Мама ойкнула от яркого света и сощурилась.

— Мам, ты чего? — спросил Джонни, вдруг понимая, что мама совсем бледная, под глазами у нее темные круги, а сами глаза красные и какие-то затравленные, как будто мама всю ночь брела сквозь боль и усталость.

— Не знаю, — сказала мама и осела на пол, как кукла. Затылком ударилась о ковер — бум! Джонни вылетел из кровати, словно ядро из пушки. Мама лежала с закрытыми глазами и дышала очень медленно.

Джонни вызвал скорую. Подложил маме под голову свою подушку. Принес стакан воды, поставил рядом — вдруг мама очнется и сразу попросит пить, в кино все всегда просили. Прошло две минуты сорок секунд, скорая все не ехала. И тут Джонни вспомнил про колдуна и странный сон и чуть не рассмеялся от облегчения — это же все неправда, он спит, колдун его испытывает. Нужно просто сдаться и отказаться от желаний. Огромного богатства было жалко, да и на динозавра были планы, но ничто — Джонни посмотрел на мамино бледное лицо, — ничто не стоило такого липкого страха и такого беспомощного ужаса, которые он сейчас испытывал.

*Зеленый Колдун,
Зеленый Колдун,
Я слишком боюсь,
Уже я сдаюсь...*

Джонни шептал и шептал дурацкий стишок до самого приезда скорой — ничего не менялось, мама не открывала глаз. Это был не сон.

— Мы забираем ее в больницу, — сказал молодой хмурый парамедик. — Тебе есть кому позвонить? Звони отцу, потом вместе приедете: твоей маме каждая минута дорога.

И они уехали с сиреной и мигалками. Джонни остался сидеть на полу перед подушкой, на которой был отпечаток маминой головы. Один в пустом доме, в короткой пижаме с динозаврами, с телефоном в руке.

Папа приехал через полчаса, небритый, взволнованный и в разных ботинках.

— Как она? Что случилось? — Он спрашивал и спрашивал, а у Джонни не было ни одного ответа.

Папа обнял его крепко-крепко и похлопал по спине.

— Давай одевайся, — велел он. — Поехали узнавать.

В машине Джонни все смотрел в окно, не на папу. Почему-то ему казалось, что если бы папа от них не ушел, а по-прежнему каждый вечер открывал дверь и кричал: «Привет, семья!» — веселый, громкий, любимый, — то и с мамой бы ничего не случилось, он бы ее защитил. Но папа вот уже три года жил на другом конце города, а Джонни ездил к нему только на выходные и неохотно знакомился с его часто меняющимися подружками. Папа вел машину молча, то и дело вздыхая. Возможно, он тоже об этом думал.

День в больнице запомнился Джонни, как россыпь картинок из комикса.

Вот они ждут в большом зале с рядами кресел. Маленький мальчик в игровом углу возит по полу яркий паровоз — одной рукой, потому что вторая замотана бинтом. «Дверью прищемило», — рассказывает всем мама мальчика. «Ту-тууу», — говорит мальчик, поднимает голову и смотрит прямо на Джонни. У него ярко-зеленые глаза.

Вот папа разговаривает с врачом, потом идет к торговому автомату и бросает монетки, чтобы взять бутылку воды. Монетки застревают, папа бьет по автомату обеими руками и что-то кричит в потолок, потом замолкает на полуслове и закрывает лицо рукой. Бутылка воды выпадает из недр автомата мимо лотка, катится по полу к Джонни. У нее зеленая этикетка.

Вот они идут обратно к машине через парковку — к маме их так и не пустили. У папиной машины стоит сумасшедшая старуха в зеленом берете. Трясущейся рукой она протягивает Джонни воздушный шарик в форме сердца — конечно же, зеленый. «Не бойся, — говорит старуха. — Все будет хорошо». Папа берет ее под локоть и бережно отводит к ближайшей лавочке. Там он что-то говорит ей и помогает сесть. Старушка улыбается ему и кивает, довольная...

Когда они садятся в машину и вырываются со стоянки, мельтешение слайдов кончается. Кто-то снова запускает время, и Джонни понимает, что он ужасно голоден — весь день ничего не ел.

— Где ночевать хочешь, у меня или у себя? — спросил отец, когда они отъезжали от придорожного кафе.

— Дома, — сказал Джонни, внезапно очень уставший.

Отец понял, кивнул.

— Ложись спать, — сказал он, когда они добрались домой. — Я съезжу к себе за зубной щеткой, одеждой и бритвой. И эту надо предупредить... как ее... Роуз? Черт, конечно, Роуз! Вернусь через полчаса-час.

Джонни улегся в кровать и натянул одеяло до подбородка, уставившись в потолок. Под потолком висел воздушный шарик — зеленое сердце. «Зеленый колдун, — начал он. — Зеленый колдун...»

Стихи не шли, но он точно знал, что хотел сказать. «Я готов», — сказал Джонни и закрыл глаза.

Джонни, молодой дипломат, с трудом продирался сквозь подлесок, подвывая от страха. На его шею в двух местах были глубокие царапины, голова ушиблена, ноги до колен вымазаны кровью — не его. Совершенно случайно, не его.

Аллозавры напали парой, выждав момент, когда стадо растянулось вдоль большого холма, поросшего сочным кустарником. Стадо, голодное, рассредоточилось. Взрослые перестали охранять молодняк — и теперь молодняк в стаде больше не было.

Были растерзанные тела, оторванные с длинных шей головы, кровь, обогрившая в землю. Самка аллозабра зарычала победно — и взрослые диплодоки отступили. Трубя, ушли на другую сторону холма, подальше от хищников — там тоже была еда. Их мать — большая, совсем еще молодая, с синеватым оттенком гладкой шкуры, — отступала последней и трубила особенно отчаянно. Никто в стаде не заметил, что Джонни удалось отбежать за скалу. Зато это заметил второй аллозавр — крупный самец с желтыми глазами. Он зарычал, потряс головой, шагнул было к скале, но самка рыкнула на него: «Ешь!», и аллозавр остановился. Наклонил голову, вырвал кусок из ближайшей туши. Джонни уже и не знал чьей. Весь мир вокруг пропах кровью и страхом.

Только Джонни собрался обойти пирующих хищников, чтобы пробраться обратно к стаду, как внезапно на запахе крови из-за холма вышла стая компсогнатов. Мелкие, зубастые, вечно голодные. Аллозавры забили хвостами, зарычали с угрозой — не трогать наше мясо! И тут-то компсогнаты заметили Джонни. Застрекотали радостно — пожива все же будет! Веселая погоня! Легкая добыча!

Джонни заскулил и помчался со всех сил напролом. Он бежал долго. Очень устал. Ему было больно. Какой-то частью сознания он понимал, что он — мальчик, что он спит и что именно нужно сказать, чтобы проснуться и перестать бежать и бояться. Но той же частью себя он помнил и другое — что сдаваться нельзя, потому что на кону что-то очень важное, такое страшное, что смертный ужас детеныша диплодока не шел с этим ни в какое сравнение.

Подлесок кончился, Джонни выбежал на вершину холма, усеянную большими круглыми валунами в половину его роста. Позади, со склона, слышался азартный щебет преследователей.

Как гиены, — подумал Джонни, — бегут и хохочут. Пулемет бы.

Он представил, как мерзкие зубастые ящеры падают и, визжа, катятся вниз, ломая папоротники. И тут его осенило. Юный диплодок развернулся и, хромая, двинулся к камням, нависающим над склоном...

Катящимися булыжниками приложило, конечно, не всех компсогнатов. А жаль. Лишь пять-шесть из них, около трети погони, покатались в густую зелень, отчаянно повизгивая и хрустя костями. Но остальные замерли в нерешительности. Джонни поставил тяжелую окровавленную ногу на большой валун, качнул его в их сторону и заревел угрожающе. Компсогнаты злобно зачирикали, затем развернулись и жадно набросились на павших соплеменников. Воздух наполнился криками и звуками раздираемой плоти. Джонни высоко поднял голову на гибкой длинной шее — прямо к фиолетовому небу — и затрубил, громко, отважно, победно.

Зеленый Колдун,

Зеленый Колдун,

Я выиграл бой,

Оставшись собой!

Падающая звезда перечеркнула стремительно темнеющее небо. Она была ярко-зеленой, как ракета.

— Школу же нельзя пропускать, — сказал папа виновато. Джонни смотрел исподлобья, но папа избегал встречаться с ним взглядом. — Я за тобой заеду после уроков, и мы отправимся в больницу. К ней сейчас все равно никого не пускают.

Джонни кивнул и побрел на урок немецкого языка. *Das Wetter ist sehr gut heute, Ich liebe Herbst...*

— Твоя мама обязательно поправится, — сказала в классе Шери, бледная худая девочка с крашеными черными волосами. Она откинула их с лица, и Джонни увидел, что

Сегодня очень хорошая погода, я люблю осень (нем.).

ФАНТАСТИКА

глаза у Шери серые, густо подведенные темным карандашом. — Моя тоже сильно болела, — сказала она. — А теперь выздоровела. Хочешь яблоко?

Джонни не хотел яблоко, он хотел, чтобы его мама тоже выздоровела. Этого Шери ему предложить не могла, но она была добра, и он взял яблоко. Откусил — кислое. Девочка неуверенно улыбнулась.

К маме наконец-то пустили, но она не приходила в сознание — лежала с закрытыми глазами и медленно, неглубоко дышала. Джонни долго вглядывался в ее лицо.

— Если ничего не задали на дом, можешь играть в Майнкрафт. Или во что хочешь, — сказал отец, когда они вернулись. Он только что нервно и зло ругался по телефону с Роуз, и, кажется, подружки у него больше не было. Плехнувшись на диван, он включил футбол и мрачно открыл бутылку пива.

Джонни включил компьютер и долго стоял посреди своего игрового дома, еще недавно столь важного и с любовью обустроенного. Подумалось, с какой бы радостью он сейчас помог маме. Он бы все пропылесосил, вымыл полы, посуду, унитаза, все окна и все мусорные ведра. Он всё всегда будет делать для мамы сам, пусть только она вернется. Джонни вывел своего человечка в игровую ночь и, не притрагиваясь к клавиатуре, смотрел, как его убивают зомби и ходячие скелеты. И снова. И снова. И снова...

— Лимонный сок кончается, — с сожалением сказала Шери и подняла бутылку на уровень глаз. Прозрачной желтоватой жидкости оставалось граммов сто — явно недостаточно, чтобы разогнать толпу зомби внизу. Джонни и Шери сидели на крыше, вооруженные двумя пластиковыми автоматами на батарееках. Они стреляли мощными струями воды, которая при добавлении лимонного сока отлично распугивала зомби, — их сероватая плоть начинала дымиться, они шипели и отбегали.

— Моз-ги! — волновалась толпа внизу. — Мозги-и-и!

Это было очень жутко — дикое многоголосое урчание, злоеший рокот, словно весь мир вокруг хотел их разорвать и сожрать. Шери достала из кармана яблоко, с хрустом откусила.

— Хочешь? — спросила она. Джонни отрицательно помотал головой.

— Моз-ги! — опять донеслось снизу, на этот раз сквозь прохот и треск — зомби принялись ломать входную дверь.

— Вот ему бы они не помешали, — сказала Шери и бросила огрызок в долговязого зомби с мощной бычьей шеей. Раньше он учился в параллельном классе, много играл в футбол и периодически задирали Джонни в коридорах школы. Зомби поднял голову и клал зубами, казавшимися чудовищно большими из-за того, что губа над ними разорвалась и висела лохмотьями.

— Фу, — сказала Шери, заливая остатки лимонного сока в камеру своего водного ружья. — Пойдем, они вот-вот в дом ворвутся. Я там газ открыла на кухне, в кино от этого все всегда взрывается. Но, наверное, нужна искра, а зомби не курят.

— Хорошее название для фильма, — пробурчал Джонни, прихватив свое оружие и сумку с зарядом лимонной воды и ракетами-фейерверками. — «Зомби не курят».

Они слезли по дереву с другой стороны дома, сильно исцарапавшись шипами на толстых ветках.

— Черт, сильно кровит, — сказала девчонка, зализывая глубокую царапину на руке. — Сейчас на кровь набегут. Давай рванем на заправку за углом. Там можно забаррикадироваться, а в углу — автомат с пончиками, и на полках наверняка есть лимонный сок.

Джонни не ответил — он замер от ужаса: с соседней улицы на них шла, урча и повизгивая, толпа зомби-детей из начальной школы. Их маленькие руки скребли воздух, белые глаза смотрели в никуда.

— Мозги-и-и! — гудели дети.

Шери вскрикнула и бросилась сквозь их толпу, толкая и разбрасывая малышню. Джонни кинулся за ней. Цепкие ручонки чуть не сорвали с него куртку, и раза два чьи-то зубы клацнули совсем рядом. Но Шери и Джонни прорвались. Пробежали через парк, через дорогу с перевернутыми машинами, через заправку, где среди пятен вытекшего бензина ветер гонял сухие листья. Воздух дрогнул взрывом позади — газ в доме все-таки взорвался. В магазинке никого не было, окна стояли целые, дверь была прочная, металлическая. Джонни забаррикадировал ее стойкой для газет и повернулся к Шери. Она смотрела перед собой остановившимися глазами и как-то странно держала на весу руку. На руке багровел и сочился кровью укус зомби — полукруг маленьких зубов.

— Выпусти меня, — сказала Шери хрипло. — У меня очень мало времени. Уже сознание плывет. Еще несколько минут, и все, что мне от тебя будет надо, это твои мозги.

Джонни обернулся к двери. Дети-зомби догнали их, толпа стояла неподвижно, не сводя глаз с двери.

— Сделай же что-нибудь, — с этими словами Шери упала на пол, посерев лицом.

— Зеленый Колдун, — прошептал Джонни. — Зеленый Колдун... — И не стал продолжать. Быстро пробежал по магазину, собирая с полок все, что могло пригодиться. Надавил кнопку включателя на автомате для пончиков. Вернулся к Шери и крепко связал ее туристической веревкой, оттащил к стене, усадил повыше. Она открыла глаза, уже заплывающие белесой мутью.

— Джонни, — сказала она. — Джонни-бой...

— Пей, — приказал Джонни и поднес к ее губам пластиковую бутылку. Наполовину вода, наполовину — лимонный сок. Кто знает, почему лимон так действует на зомби. Шери кричала и плевалась, шипела и стонала, но Джонни заставил ее выпить всю бутылку. Под конец она упала на пол, дыхание ее было тяжелым, хриплым. Укус на руке распух, стал серым. С колотящимся от страха сердцем Джонни разбил стекло на автомате для пончиков. Аккуратно, замотав руку курткой, выдернул из него раскаленную металлическую трубку и, стиснув зубы, прижал к руке Шери — к серой, зараженной плоти, которую нужно было выжечь. Он держал, сколько мог, пока Шери орала и билась в своих веревках. Потом она открыла глаза — покрасневшие, уже без всякой мути — и прошептала: «Спасибо». Шери снова была собой. Джонни распрямился и победно потряс трубкой. Сигнализация под потолком перестала мигать красным, зажегся яркий зеленый огонек.

— Зеленый Колдун... — начал Джонни свою победную кричалку и тут же замолчал: ему померещилось, будто где-то поблизости кто-то тихо рассмеялся.

— Завтра, — сказал врач, красивый молодой индеец с усталым лицом. — Завтра все решится. Динамика от-

рицательная, ее состояние ухудшается, но пока еще не критическое. Оперировать будем завтра, а сейчас вам следует поговорить с анестезиологом, это будет та же смена. И бумаги надо подписать...

Дома Джонни поднялся в свою комнату. Отец остался внизу, кажется, он плакал.

Позже Джонни нашел его в маминной спальне, на большой кровати. Сюда маленький Джонни прибежал по утрам. Карабкался к родителям, как только научился вылезать из своей кровати, а они недовольно бурчали — рано, дай еще поспать! А потом все равно смеялись и щекотали его. И Джонни млел от счастья под одеялом, между мамой и папой, и в мире не было ни страха, ни тоски.

Сейчас отец лежал на боку на своей половине кровати и смотрел туда, где обычно спала мама. И обнимал ее половину правой рукой.

— Пап, а почему ты от нас ушел? — стоя в дверях, спросил Джонни, впервые за эти три года. — Ты перестал любить маму?

— Нет, — глухо ответил отец.

— Тогда почему?

— Не знаю, я сейчас сам себя об этом спрашиваю. И ответа у меня нет. Только детский. Я запутался и разбаловался. И это дурацкий ответ для взрослого человека.

Джонни кивнул и ушел спать.

Будильник пищал громко и так противно, словно кто-то тыкал в голову Джонни вязальной спицей. Он поднялся, получилось как-то с трудом, побрел в ванную, зевая.

— Папа, — позвал Джонни, но отца в спальне не было.

В ванной из зеркала над раковиной на него уставилось чужое взрослое лицо — толстое, расплывшееся, поросшее темной щетиной. Джонни вскрикнул от неожиданности. Узнать на этом лице он мог только свои глаза. Но и они изменились — утонули в складках щек, покраснели, заполнились смертельной усталостью.

— Что будешь завтракать, Джонни-бой? — раздался откуда-то приятный женский голос.

Джонни ухватился за раковину, чтобы не упасть.

— Кто ты? — воскликнул он.

— Я — твоя Шери, — без удивления ответил голос. — Интеллектуальная система управления домом и персональный помощник. Тебе следует поторопиться, Джонни, — сегодня у тебя утренняя смена. Начнется через сорок одну минуту.

— Я где-то работаю? — спросил Джонни.

— Вот уже пятнадцать лет ты работаешь в Макдоналдсе на улице Нилшанс, — сказала Шери. — Четыре дня в неделю. Три дня участвуешь в игровых соревнованиях онлайн. В основном это стратегические игры, но бывают и стрелялки. Редко — покер. В него ты всегда проигрываешь.

— А где папа? — спросил Джонни.

— Твой отец уже четырнадцать лет живет в Таиланде, — ответил голос. — Приезжал в прошлом году на три дня. Остановившись в гостинице. Вы встречались в один из вечеров, вместе пили пиво. На следующий день ты жаловался, что отец не считает тебя интересным человеком.

— А... мама?

Шери не сделала никакой паузы, просто продолжила все так же бесстрастно:

— Твоя мама умерла пятнадцатого ноября четырнадцатого года и была кремирована в соответствии со своим завещанием. Послезавтра будет двадцать лет. Нужно заказать розы и возложить их к дереву, где был развеян прах. Об этом я еще напомним. А сейчас рекомендую поторопиться — в твоей смене новый ме-

неджер, и опоздание может привести к штрафу. В этом месяце он приведет к задолженности за коммуникационные услуги.

Джонни расплакался. Ему еще никогда не было так страшно, как сейчас. Он плакал навзрыд, дергал раковину и повторял: «Зеленый Колдун, Зеленый Колдун...» И все же никак не мог закончить фразу.

— Бигмак с двойным соусом, чизбургер и пятнадцать особых омномов. Джонни, коробки для омномов кончились, пакуй в бигмаковые. Быстрее работай, быстрее! И жир с гриля собери, котлеты так и плавают. Хочешь опять на переобучение? У нас же стандарты обслуживания. Шевелись, Джонни. Да что с тобой такое сегодня? Ты же у нас заслуженный работник, хе-хе, уже пятнадцать лет на этом гриле. Да ты что, рехнулся? Все булки спалил разом! Выбрасывай теперь, сгребай в урну. И, знаешь что, возьми-ка ты перерыв прямо сейчас. Поешь, что ли. Не голоден? Ну еще бы, хе-хе... Нет, нет, ничего, это у меня кашель. Вон, колы себе налей. Сходи выпей ее на свежем воздухе, подыши. У тебя полчаса. А потом сеточку на волосы, руки вымыть и опять к грилю, дружок. Работать-работать, у тебя сегодня смена долгая, до часу ночи...

Джонни сидел на лавочке у пруда и едва сдерживал слезы. Он старался смотреть только на пруд и спящих над водой чаек — чтобы не замечать свои ноги-бревна, толстые волосатые руки и раздувшееся, как глобус, пузо. Кто-то сел на скамейку рядом. Мелькнула зеленая ткань. Но Джонни не повернул головы.

— Страшно тебе? — спросил Зеленый Колдун ЕЕЕ.

— Да, — медленно ответил Джонни. — Страшно. И пусто.

— Понимаю, — вздохнул старик. — Вот так же и я себя чувствовал в той проклятой бутылке. Пустота, из которой не вырваться... Ты колу-то будешь пить?

Джонни помотал головой, глотая нахлынувшие слезы, протянул старику стакан, отвернулся.

— Сдаешься? — спросил колдун, отхлебывая.

— Нет, — ответил Джонни. — Я все равно выиграю. Только с духом соберусь. Мне нельзя сдать. Никак нельзя. Нужно не сдать. Очень сильно нужно. Только... — он повернул голову к старику и посмотрел прямо в его пронзительные черные глаза, — Я хочу знать, зачем вам это? Зачем вы все это делаете? Что вам с того, что мне страшно?

Старик пожал плечами, захлюпал остатками колы в стакане.

— Мне — ничего, — сказал он наконец. — Это все — тебе. Это твоя награда. Ты же меня спас.

— Ну и награда, — прошептал Джонни еле слышно. — Тяжелая.

— Ты ведь сильный, — сказал колдун. — Вот тебе и досталась тяжелая. Донесешь — станешь еще сильнее. Ну что? Сдаешься? Или дальше понесешь? Может, хочешь еще что-то сказать?

— Хочу, — сказал Джонни, поднимаясь. — Перерыв заканчивается. Попробуйте бигмак или омном. Очень питательно. У нашей кухни высокие стандарты.

И понес свое грузное, взрослое тело к служебному входу. Если надо — он будет это делать каждый день. Он начнет бегать, займется математикой и перестанет тратить время на игрушки. Как только сможет, найдет другую работу. И позвонит отцу, и купит маме розы. Если для того, чтобы не сдать, нужно прожить эту жизнь — он стиснет зубы и будет жить. Как надо. Набело.

— Джонни-бой, — позвал его старик со скамейки.

Джонни повернулся. Старик склонился перед ним в глубоком поклоне, разведя полы зеленой мантии, как большой мотылек крылья.

*Мой юный герой,
Мой смелый герой.
Ты выдержал бой,
Оставшись собой.*

ФАНТАСТИКА

— Желай, — сказал Зеленый Колдун ЕЕЕ. — Желай чего хочешь. Только это... Если надумаешь динозавра, давай сначала сверимся с таблицей видов, чтобы было более-менее ясно на счет нужного генома, о'кей?

Джонни закрыл глаза и загадал желание.

Послышался тихий голос мамы:

— Джонни, просыпайся. — Мама потрепала его по волосам. Джонни сел в кровати, как и не спал (что за сон дурацкий). Щелкнул выключателем — мама ойкнула от яркого света и прищурилась.

— Мам, ты чего? — спросил Джонни, в голове пронеслась паническая волна дежавю: вот сейчас она...

Мама убрала руку от глаз и засмеялась:

— Яркое очень, по глазам ударило. — Выглядела она как-то иначе, моложе, что ли, беззаботнее. — Тебе завтрак приготовить? — спросила мама, поднимая с пола его школьную куртку; Джонни опять забыл повесить одежду на место, хотя мама напоминала ему об этом каждый день. Джонни выпрыгнул из постели и быстро поднял остальные вещи.

— А давай я тебе приготовлю, — сказал он и вдруг понял, что ростом он уже почти с маму, и глаза у них на одном уровне. Мама изумленно заморгала и рассмеялась.

— Тебя сегодня папа в школу отвезет, — сказала она. — Он позвонил ни с того ни с сего, разбудил меня. Странный такой...

На кухне мама приготовила чай, а Джонни пожарил яичницу.

— Как ты ловко с плитой управляешься, — заметила мама. — Не знала, что так умеешь.

— Во сне научился, — иронично хмыкнул Джонни.

— А я тоже странный сон видела, — нахмурилась мама. — Вспомнить не могу, но тревожный какой-то. Как будто ты в опасности... Помню только зеленую вспышку...

В дверь позвонили, мама ушла открывать, Джонни услышал папин голос. Обычно родители ограничивались парой фраз и напряженно замолкали. Однако сейчас они, на удивление, говорили и говорили, не умолкая, и мама даже негромко рассмеялась.

— Ладно, я подумаю, — пообещала она, и тут же раздался голос папы: — Джонни! Джонни-бой, ты готов? Поехали, я доведу тебя до школы. Поболтаем по дороге, ага?

Джонни выбрал из фруктовой вазы большое красное яблоко и сунул в портфель. Он знал, кому его сегодня предложить.

